
Глава 8.

1902 год

Я попал в тупик. Незаметно прошло четыре с половиною года, как я исключительно сосредоточился на издании «Сборника консульских донесений». Дело это представлялось настолько оторванным от общей ведомственной работы министерства, что надо было либо совершенно отказаться от перспектив другой, более широкой и интересной деятельности, связывавшейся и с лучшим служебным положением, и безнадежно застрять на этом в достаточной степени однообразном и по своей рутинности уже порядочно наскучившем мне деле, либо уйти от него. В центральном ведомстве мне не находилось вакансий. Приходилось выставить кандидатуру на какую-нибудь должность в консульский корпус. Представлялась возможность добиться назначением вице-консулом в Гаммерфест на севере Норвегии. Пост мне улыбался в том отношении, что летнее полугодие консульская работа в Гаммерфесте была оживленная в связи с рыбными промыслами наших поморов, на зимнее же полугодие жизнь по условиям крайнего Севера замирала. *Наступала бесконечно долгая полярная ночь.* Состав консульства прикомандировывался до весны на усиление центрального ведомства в Петербурге. О своем намерении проситься в Гаммерфест я предупредил мою мать, о которой не переставал заботиться со смерти моего отца, ведя ее дела и оказывая ей всяческую моральную поддержку, в которой она нуждалась, не успев свыкнуться с постигшей ее тяжелой утратой. Мать моя всячески меня отговаривала от заграничной службы, считая, что она нас разлучит навсегда. Гаммерфест, связываемый с зимовкою в Петербурге, наверное, вскоре мне будет заменен другою резиденциею. А тогда я буду совершенно отрезан от родных. Я настаивал на невозможности продолжать загнавшую меня в тупик службу по редактированию «Сборника консульских донесений». Мы приняли совершенно неожиданное решение. Мать будет просить Вячеслава Константиновича Плеве, бывшего в ту пору государственным секретарем, перевести меня на службу *к себе* в Государственную канцелярию. Мать знала Плеве еще с девичьих своих лет по Владимиру, где Плеве начал службу по судебному ведомству. Впоследствии мои родители с ним встретились *и часто виделись* в Варшаве, где Плеве был прокурором судебной палаты, а мой отец прокурором окружного суда. От-

ношения поддерживались в течение и последующих лет. Плеве навещал время от времени мою мать.

Она ему написала. Не прошло недели, как я получил повестку, приглашавшую меня на следующий день явиться к Плеве на его казенную квартиру к 9 часам утра. На Плеве было недавно перед тем возложено совмещение должности государственного секретаря с должностью статс-секретаря по делам «Великого княжества Финляндского», и он переехал из занимавшейся квартиры по первой должности на Литейном проспекте, против Симеоновской улицы, в представлявшуюся ему более удобною квартиру финляндского статс-секретаря на Екатерингофском проспекте, на углу улицы Глинки, напротив Николы Морского¹.

К назначенному часу, не опаздывая ни на минуту, в вице-мундирном фраке с белым галстуком я входил к Плеве. Солидный, украшенный медалями пожилой курьер провел меня в кабинет Вячеслава Константиновича. Плеве уже сидел за письменным столом и прочитывал бумаги. *Есть люди, при взгляде на которых, порою смутно, порою странно отчетливо, возникает перед вами образ того или иного представителя животного царства. Передо мною в глубоком кресле за министерским столом сидел лев.* Крепко посаженная на широкие плечи голова, львиная грива, топорщащиеся усы под прямым коротким носом, бритый подбородок, обнажающий крепость челюстей и яркую выпяченность чувственного плотоядного рта. Немигающий взор *подлинно львиных, величаво спокойных, умных глаз, потоком* изливающих лучи непреклонной *покоряющей* воли. Высокий рост. Большое, крепкое тело. Мимо такого человека, не заметив его, не пройти, даже если бы он не был носителем власти.

— Садитесь. Матушка ваша мне писала. Я разделяю ее соображения о том, что вам лучше остаться здесь. И позаботился об осуществлении ее желания. Вы назначены делопроизводителем в отделение Государственной канцелярии, обслуживающее Департамент промышленности, наук и торговли Государственного совета. Благоволите, не откладывая, представиться статс-секретарю, заведующему этим отделением, Сергею Константиновичу Тецнеру. Поезжайте к нему на квартиру. Он введет вас в круг ваших обязанностей. Желаю успеха.

Я поблагодарил и уехал. Государственная канцелярия! Попасть в нее считалось большою удачею. А еще сразу на штатную должность — исключительным счастьем. Аспиранты, принимавшиеся на службу лишь в качестве причисленных без жалованья, выжидали назначения на первую штатную должность по несколько лет. Немногие могли позволить себе роскошь столь длительного выжидания. При отсутствии жалованья требовалось наличие порядочных собственных средств. Принадлежностью к высшему в империи государственному установлению служба в Государственной канцелярии обязывала известным представительством. Служба была интересная и обставлена исключительно приятными условиями. Интерес заключался в том, что служащие являлись свидетелями, а работою своею и участниками совершавшихся важнейших государственных актов. Перед ними в заседаниях Государственного совета проходили все министры. Обсуждались все требовавшие законодательной санкции мероприятия правительства. Сессия Государственного совета ежегодно прерывалась на лето в конце мая — начале июня до 1 октября. На это время распускались и служащие Государственной канцелярии. Им, таким образом,

ежегодно предоставлялся четырехмесячный вакант. Ни одна другая служба такого преимущества не давала. По самому своему характеру служба ничего общего с обычными бюрократическими ее формами не имела. Не приходилось бессмысленно отсиживать положенное число часов за столом в присутственном месте — есть работа или нет. Работа сводилась к составлению журналов по каждому делу, слушавшемуся Государственным советом. Каждый департамент совета заседал по одному разу в неделю. На каждое заседание заблаговременно составлялся статс-секретарем список подлежащих рассмотрению дел. Дела распределялись между служащими канцелярии. Каждому поручалось, в зависимости от сложности, одно или несколько дел для изучения, проверки соответствия с общим законодательством, обсуждения с точки зрения необходимых поправок и последующего составления журнала. Нужным, а следовательно, обязательным для служащих являлось, таким образом, присутствие в составе канцелярии на данном заседании департамента. За два дня перед заседанием служащие еще собирались в канцелярии для доклада результатов изучения порученных дел статс-секретарю. Доклад был совместный с другими служащими, носил чисто товарищеский характер. Дела докладывались по списку. Доклад каждого служащего подвергался обсуждению сослуживцев. Каждый мог внести, и это было желательно, свои дополнительные замечания к законопроекту. Статс-секретарь резюмировал замечания, со своей стороны дополняя их для передоклада на следующий день, накануне заседания, председателю департамента. После заседания служащие еще собирались для обсуждения по каждому делу плана составления журнала. Самые журналы писались на дому. Как видно, прикованности к определенному столу, отсиживания за ним обязательных часов по самому существу дела не требовалось. Служащие приходили в канцелярию вне дней докладов и заседаний, когда им вздумается, повидаться с товарищами, побеседовать, проверить печатные корректуры журналов, выпить чашку чая, порыться в законах, зачастую подолгу разыскивая понадобившийся законодательный материал. На дому работа была зато ^абольшая^а. В зависимости от объема дела приходилось писать порою ночами. На большие дела, занимавшие несколько заседаний департамента, требовался месяц и более работы. Легкая в стенах *преlestного* Мариинского дворца, работа переходила на дому в тяжелую и страдную. Но насколько все-таки приятнее было проделывать такую специфически кабинетную работу именно на дому. Служащие канцелярии представляли *очень* сплоченную товарищескую среду. Традиция смешивала ранги. Статс-секретарь был не столько начальником, сколько старшим товарищем. На Олимпе восседал один государственный секретарь. Помощники статс-секретаря, старшие и младшие делопроизводители, причисленные различались только классами должностей и окладами содержания. Но в отношениях к ним со стороны начальства никакого различия не проводилось. К тому же и дела, мелкие и большие, сложные и попроще, распределялись между служащими не по рангам, а по способностям. Вполне естественно, что при таких привлекательных условиях службы в Государственной канцелярии по сравнению со службою в других учреждениях всякая открывавшаяся вакансия на штатную должность являлась предметом вожделения многих лиц, в конце концов, цело-

---

^{а-а} Вписано вместо: «прямо зверская».

го хвоста аспирантов. Назначение со стороны не могло быть встречено иначе, как неприязненно. При наличии исключительной сплоченности, характеризовавшей отношения служащих Государственной канцелярии, требовались особые старания со стороны вторгшегося в их среду чужака, чтобы не быть встреченным враждебно.

Мало было явиться по приказанию государственного секретаря статс-секретарю Тецнеру. Надо было подготовить почву, чтобы быть без гнева принятым будущими сослуживцами, нанести предварительно каждому традиционный визит и лишь после этого вступить в должность. Предстояло и проститься и откланяться в Министерстве иностранных дел.

Тецнер жил в собственном доме на Кирочной между Знаменской и Преображенской. Видный, красивый мужчина. Лицо знакомое. Я его раньше встречал. Не знал только, кто именно он такой и что собою представляет. Тецнер — богатый, счастливо одаренный, очень неглупый. Муж будущей жены будущего министра юстиции, позже председателя Государственного совета Ивана Григорьевича Щегловитова. Мария Федоровна Тецнер интересная дама, окруженная сановными поклонниками. За нею ухаживают и Щегловитов, и Коковцов, и другие. Мать интересных дочерей. Тецнер принял меня сухо. Можно было подумать, что не младшим его сослуживцам, а ему самому я перебежал дорогу. С другой стороны, Тецнер — чиновник Государственной канцелярии с первых шагов службы. Традиции и особенно школу учреждения ставит чрезвычайно высоко. Убежден, и правильно, что, не пройдя этой школы, журналов писать нельзя. Ему, по-видимому, досадно, что придется меня заново всему учить. А дела у него и без того достаточно. Работу все-таки дать мне надо, направил меня Плеве. А я — Тецнер в этом уверен — буду работу гадить. Ему придется ее исправлять. Он откровенно, не без раздражения заявляет: «Вам многому придется подучиться. Нашею работою сразу овладеть нельзя. Я вам пошлю дела на дом. Ознакомьтесь с ними, а потом зайдите в канцелярию. Поговорим».

По спискам Государственной канцелярии, помещенным в адрес-календаре², в составе отделения, куда я определен, значится И. И. Шидловский. Я его знаю по университету. Он на один выпуск старше меня. Очень снобистый парень и *хотя немного наглый*, но не дурной. Студентами мы в свое время вместе выступали «в свете». Не опереться ли на него? Я засылаю общего друга, чиновника канцелярии Комитета министров, впоследствии новороссийского губернатора А. А. Березникова. Он настраивает Шидловского в мою пользу. Шидловский, являющийся среди сослуживцев лидером отделения, милостиво соглашается меня поддержать. «Пусть *только* объедет товарищей. А я их работаю».

Объехал, начиная с самого Ивана Иллиодоровича Шидловского. Все, кого застал, приняли меня любезно. Лед еще не сломан. Но быть поднятым на рога мне все-таки уже не предстоит.

В министерстве Николай Андреевич Малевский-Малевич меня «понял». И «благословил». Мало того, спекулируя на «Сборнике консульских донесений», каждый выпуск которого преподносился царю, и не желая перелаживать налаженное уже дело передачею в другие руки, он предложил мне продолжать издание частным образом. Меня это во всех отношениях устраивало. Не прерывалась связь с министерством, с которым я все-таки свыкся и которым дорожил.

С другой стороны, обеспечивался приработок к совершенно скромному моему содержанию по Государственной канцелярии.

Откланялся графу Ламздорфу. «Мы не расстанемся», — сказал он мне, имея в виду мое приватное продолжение «Сборника». К «дядюшке» Валериану Сергеевичу Оболенскому я не пошел.

С первых же шагов моей службы в Государственной канцелярии мне пришлось очень серьезно приналечь не только на работу, но, по специфическим ее особенностям, и на самообучение новому ремеслу. Первый же мой журнал — помню, по делу о частичном пересмотре устава Военной медицинской академии³ — мне доказал потребовавшимися многочисленными исправлениями Тецнера, что я абсолютно не умею писать. Признанный недурным редактором в министерствах финансов и иностранных дел, я оказался мальчишкой и щенком в Государственной канцелярии. Да, там и только там, путем постепенного, со времен Сперанского, усовершенствования форм делового изложения, выработались традиционно передаваемые от поколения к поколению приемы казенного писания и канцелярский стиль, поистине образцовые. Богатство содержания в немногих словах. Преимущественно короткие предложения. Всяческое воздержание от мало-мальски длинных периодов. Много точек. Мало запятых. Умелые переходы от одной мысли к другой. И умение связывать отдельные абзацы в непрерывной текучести изложения. Тщательная всесторонняя разработка основной темы, краткая, но сильная аргументация деталей. Стиль достойный, строгий, но простой, отнюдь не выпененный, не архаический, не смешной, как бывала смешна канцелярская бумага. Воздержание от повторения в близких предложениях одних и тех же слов. Строгость, убедительность и в то же время образность слова. Умение привести в стройную систему правила редактируемого закона и формулировать каждое правило настолько ясно, чтобы не могло возникнуть сомнений в его понимании и толковании. Писание, основанное на тщательном изучении прецедентов, опирающееся на солидное знакомство со всем действующим законодательством. Я раздобыл комплекты журналов Государственного совета от времен великого мастера казенного стиля статс-секретаря Железнова до работ последних художников письма Государственной канцелярии. И я вчитывался в их труды, стараясь уловить приемы составителей, приводивших к созданию того безукоризненно стройного и стильно-красивого целого, которое выливалось из-под их пера. Постепенно систему я прозревал, шаг за шагом расшифровывая и проходя трудную школу письма. Эта работа меня надолго поглотила. Теория была распознана. Но предстояла еще практика. Она, однако, выдвигалась текущею работою. Составление каждого нового журнала являлось для меня упражнением в практическом применении уловленных теорий. Журналы мои становились лучше. И Тецнер их все меньше исправлял. Прошло, однако, еще много времени, пока я не овладел работою окончательно.

Весенняя сессия не выдвинула по нашему департаменту особо интересных дел. Проходили преимущественно дела финансового ведомства по еще не выделенным от него в ту пору вопросам промышленности и торговли и, в частности, торгового мореплавания. По этим вопросам в Государственном совете выступал в качестве товарища министра финансов Владимир Иванович Ковалевский. Рассматривались дела и Министерства народного просвещения. Объяснения дава-

ли товарищи генерала Ванновского Зенгер и Мещанинов. Были случайные дела и других ведомств, но все второстепенные. Министры по этим делам в департамент не ходили, а посылали товарищей.

Председателем департамента был совсем уже старьй бывший морской министр адмирал Н. М. Чихачев, седой как лунь, с гробовым скрипучим голосом, по-видимому, совершенно не вникавший ни в одно из рассматривавшихся дел. Он ограничивался тем, что открывал заседания и, когда у него просили слова, то в знак согласия кивал головой, наклоняя ее при этом с таким видом, будто собирался бодаться. Члены департамента были также малодетельные. Припоминаю бывшего начальника военно-учебных заведений, круглолицего, молчаливого, за несколько лет присутствования в Государственном совете ни разу не открывшего рта генерала Махотина, далее жадного даже на односложные реплики старого бывшего иркутского генерал-губернатора генерала А. Д. Горемыкина. Позже в департамент вступили: обер-прокурор Первого департамента Сената князь Александр Дмитриевич Оболенский и упоминавшиеся уже в настоящих записках Виктор Васильевич Калачов и Сергей Владимирович Марков. По делам, затрагивавшим компетенцию других департаментов — государственной экономии, законов, гражданских и духовных дел — созывались, помимо нашего департамента, и эти последние департаменты — все три, или один или два, в зависимости от содержания дела. Устраивались заседания «соединенных департаментов». Из участвовавших в них членов Государственного совета от других департаментов помимо нашего назову председателя Департамента законов Эдуарда Васильевича Фриша, далее умного и дельного, бывшего короткое время управляющим Министерством народного просвещения Андрея Александровича Сабурова, не умного брата его, бывшего посла Петра Александровича Сабурова, далее выдающегося умницу, исключительного знатока гражданского права Ивана Яковлевича Голубева, бывшего товарища министра юстиции Ивана Ивановича Шамшина, бывшего киевского генерал-губернатора графа Алексея Павловича Игнатьева, Сергея Сергеевича Гончарова, Владимира Владимировича Верховского, бывшего члена Совета министра финансов, потом директора Публичной библиотеки Дмитрия Фомича Кобеко, бывшего товарища министра финансов Тернера, бывшего товарища государственного контролера Владимира Павловича Череванского. Следует иметь в виду, что далеко не все члены Государственного совета назначались к присутствованию в департаментах. Многие входили лишь в общее собрание совета. С другой стороны, заседания соединенных департаментов, устраивавшиеся данным департаментом, посещались не всем составом других департаментов, а только некоторыми членами. Департаменты заседали в *большом* зале Мариинского дворца, выходящем окнами на Мариинскую площадь в бельэтаже, с обширным балконом, увенчивающим большой крытый подъезд дворца. Общие же собрания происходили в круглом колонном зале, представленном на известной картине Репина, изображающей торжественное заседание Государственного совета по случаю столетнего его юбилея⁴. Впоследствии, с реформою Государственного совета пополнением имевшегося состава по назначению членами по выборам, круглый зал оказался тесен⁵. Это совершенно выдающееся произведение архитектурного искусства было уничтожено. Освободившаяся площадь соединена с площадью примыкавших помещений. И построен новый зал, увенчанный обширным стеклянным куполом.

* * * * *

Государственным советом и обслуживавшею его Государственной канцелярией была занята центральная часть Мариинского дворца. В левом крыле помещалась Комиссия прошений, а в правом — Комитет министров и его канцелярия. Мы, следовательно, работали с комитетчиками под одной кровлею.

Войдя однажды (раннею весною 1902 г.) в помещение своего отделения Государственной канцелярии через ворота Мариинского дворца, выходящие на Новый переулок, т. е. в ближайшем соседстве с Комитетом министров, я застал во дворце переполох, всеобщие взволнованность и растерянность. Оказалось, только что был убит в вестибюле комитета министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин⁶. Несколько моих товарищей собрались на месте катастрофы тотчас после того, как она произошла. Видели и убитого, и убийцу. Передавали подробности. Происходило заседание комитета, на котором присутствовал Сипягин. К подъезду на извозчике подъехал офицер, вошел в вестибюль и, обратившись к швейцарам, просил вызвать по срочному делу министра внутренних дел. Офицер добавил, что ему поручено передать министру непременно из рук в руки привезенный исключительной важности служебный пакет. Сипягину доложили. Недоумевающий министр вышел. Подходит к офицеру. Последний быстро выхватил револьвер и произвел в министра несколько выстрелов в упор. Пораженный насмерть, Сипягин упал. Его перевезли в соседнюю Максимилиановскую больницу, где, не приходя в сознание, он почти тотчас скончался. После выстрелов офицер, растерявшись, даже не пытался скрыться. Но растерялись и все присутствовавшие, и все сбежавшиеся на звуки выстрелов. Прошло несколько минут, пока люди бросились к убийце и схватили его. Тут только обнаружилось, что убийца, назвавший себя спрашивавшему его Петру Семеновичу Ванновскому Балмашовым, каковым впоследствии он действительно и оказался, вовсе не офицер, а плохо, не по форме перерядившийся в офицера студент. Это признали и швейцары, бывшие все в свое время солдатами. Но люди задним умом крепки. На неправильности обмундирования, на взволнованность прибывшего молодого офицера, на необычность его требования обращено внимания не было. Не проявил необходимой осторожности и почивший министр, бывший более чем кто-либо в курсе возобновившейся деятельности террористов, жертвою которых уже пал Боголепов и от которых лишь совершенно случайно спасся Победоносцев. А кому надо было особенно беречься, как не министру внутренних дел, да еще такого реакционного направления, как Сипягин.

Преемником ему был назначен Вячеслав Константинович Плеве, а на место последнего государственным секретарем — Владимир Николаевич Коковцов.

Возглавление ведомства внутренних дел после Д. С. Сипягина министром Плеве знаменовало усиление реакции, поскольку взятый на нее курс, отвечавший направлению обоих министров, перешел от ограниченного и бестемпераментного предшественника к умному и обладавшему железною волею преемнику. Вместе с тем обострялась борьба с прогрессивными реформистскими течениями в среде правительства, проще говоря, персонально с Сергеем Юльевичем Витте. В лице Плеве последний впервые встретил в составе правительства противника, не уступавшего ему в волевой энергии и силе темперамента. При различии политических программ будущее должно было принадлежать кому-нибудь одному. Неприязнь царя и оппозиция к министру финансов, творившаяся как в прави-

тельственных и придворных кругах, так и в Государственном совете, ослабляли позицию Витте. Перевес сил заранее склонялся на сторону Плеве. Близкое падение Витте стало неизбежным.

Его, как говорили люди, близкие к придворным кругам, органически не переносил царь, вообще не терпевший лиц, подавлявших его своим превосходством. Одним из первых объектов завистливой ненависти Николая II явился германский император Вильгельм II. Витте своим блестящим управлением также подавлял царя. Поднятие на высоту, по тому времени небывалую, финансов России, производительных ее сил и хозяйства справедливо приписывалось общественным мнением не мудрости верховной власти, а личным качествам популярного министра. Царь это прекрасно знал. И не прощал этого Витте. Своею беспощадною логикою, неотразимою настойчивостью Витте подавлял царя и в собственном кабинете Николая II во время мучительных для него докладов несимпатичного ему главы финансового ведомства. Хотя и упрямый, но слабовольный царь все-таки не решался по собственной инициативе лишить Витте его портфеля. Оппозиция же министру финансов, бездарная, а потому неубедительная, нейтрализовалась находившимися благоразумными голосами. Они предостерегали царя от риска устранения даровитого государственного деятеля. Чтобы побудить царя решиться на этот шаг, требовалось усиление враждебных министру влияний. Они и нарождались вокруг царя. Как доказали последовавшие события, роковая и в ее происхождении неразгаданная особенность в характере Николая II с каждым годом все более властно подчиняла его темным влияниям. В данное время царем овладевала становившаяся вторым его правительством, внушавшим ему больше доверия, нежели официальное правительство, преступная «безобразовская» шайка. Ее разбойничья политика, недвусмысленно преследовавшая личные цели возвеличения и обогащения, сразу выдвинув эвентуальность войны с Япониею, не могла не вызывать противодействия со стороны Витте. Считаясь с обстановкою, а потому мягко и осторожно, он стал это противодействие проявлять. Шайка не замедлила ответить штурмовою интригою перед царем против Витте. И хотя безобразовцы интриговали и против не подававшегося им Куропаткина, последний также стал интриговать против Витте. Таким образом, с момента вручения Плеве портфеля министра внутренних дел равновесие влияний за и против Витте было уже нарушено перевесом сил, противных министру финансов. Плеве приходилось Витте уже не ломать, а доламывать.

Назначение государственным секретарем Коковцова ничего не знаменовало, кроме того, что недюжинность сменили посредственностью и становился в хвост на министерские вакансии искушенный в политической интриге бюрократ, *посредственного ума, абсолютно лишенный всяческой творческой инициативы, нудный болтун*, гладким, но скучным словоизвержением пытавшийся прикрывать отсутствие живой мысли. Забавно в нем было то, что он мог говорить часами. И ничего не сказать.

* * * * *

Сослуживцами моими в Отделении промышленности, наук и торговли Государственной канцелярии, возглавлявшемся статс-секретарем Государственного

совета Тецнером, были — из старших — помощники статс-секретаря князь Дмитрий Петрович Голицын и Сергей Васильевич Безобразов.

Голицын был писателем, известным в свое время в литературе под псевдонимом Муравлина. В эти дни он творил имевшую потом кратковременный успех ультранационалистическую пьесу в стихах «Услава» — времен Великих Новгород и Пскова⁷. Ставил ее в «своем» в ту пору Малом театре издатель «Нового времени»⁸ Алексей Сергеевич Суворин. Сослуживцы автора, конечно, в полном составе присутствовали на премьере. Театр *бешено* рукоплескал резюмировавшим центральную тему словам героя: «Русь создалась своим домашним строем. Им дорожить как кладом мы должны». Требовали повторения. Артист повторил. Зайдя в антракте приветствовать автора за кулисы, мы присутствовали при том, как режиссер Евтихий Карпов распекал артиста за повторение монолога, беспримерное и неуместное — горячился Карпов — в драматических представлениях. «*Это вам не оперетка и не опера*». Суворин вступился за артиста, возражая против рутины, доказывая, что жизнь ее ломает. Голицын был простой, милый человек, мягкий, благожелательный. Литературная работа отвлекала его от самоусовершенствования в писании журналов Государственного совета. И писал он их неважно. Поэтому ответственных работ ему не давали, и он имел мало шансов попасть в статс-секретари. Вскоре, обойденный назначением на освободившуюся вакансию лица со стороны, он устроился членом совета министра народного просвещения. А немного погодя оказался на высоком, равном министерскому посту главноуправляющего ведомством учреждений императрицы Марии (ведомство женских институтов).

Сергей Васильевич Безобразов с атаманом безобразовской шайки ничего общего, кроме фамилии, не имел. Это был честный, умный и обладавший солидными знаниями человек, ранее служивший в бывшем Кодификационном отделе. Со слиянием этого отдела при государственном секретаре Н. В. Муравьеве с Государственной канцелярией Безобразов оказался автоматически вступившим в эту последнюю. В составе Государственной канцелярии Кодификационный отдел был переименован в Отделение Свода законов. Сергей Васильевич был впоследствии назначен статс-секретарем Государственного совета, заведующим этим отделением, после известного профессора Петербургского университета по кафедре уголовного права Сергиевского. О Безобразове у меня сохранилась память как о человеке не только умном, но и умевшем удивительно правильно охарактеризовать сущность и оценить значение всякого сколько-нибудь приметного события, проникновенно предвидя его последствия. Поразительно разбирался в обстановке. Отчетливо знал, куда мы идем. В области законодательной работы был большим ее знатоком. Побеседовать с ним было всегда интересно и приятно. А всякий его совет, всякое разъяснение по порою встречавшимся в нашей работе недоуменным вопросам имело большую ценность, отличаясь ясностью и исчерпывающею полнотою.

Другим умницею в числе моих сослуживцев был старший делопроизводитель Михаил Иванович Неклюдов, впоследствии статс-секретарь реформированного в 1906 г. Государственного совета. Образованный, обладавший большою эрудициею в области права, трудоспособностью и усидчивостью, вполне овладевший законодательною работою и, в частности, умением писать журналы, он был справедливо ценим, и ему открывались широкие карьерные возможности.

Но он не был честолюбив. Некрепкое здоровье и прирожденная стоическая философия склоняли его к скромности, уединению и тишине. Не с той отчетливостью предвидения, которая отличала Безобразова, он также умело разбирался в политической обстановке и правильно расценивал события и людей.

Председателем Государственного совета был в то время дядя царя, брат его деда императора Александра II великий князь Михаил Николаевич. Председатели департаментов: законов — Фриш и промышленности, наук и торговли — Чихачев уже названы выше. Председателем Департамента государственной экономики был маститый старец граф Дмитрий Мартынович Сольский, возведенный в графское достоинство Николаем II за рекордно длительное состояние в высших государственных должностях с шестидесятих годов прошлого столетия. Должность председателя Департамента гражданских и духовных дел была как будто временно вакантна.

Товарищем государственного секретаря был при Плеве и остался при Кокцовце опытный в делах Государственной канцелярии, служивший в ней с младших должностей барон Юлий Александрович Икскуль фон Гильденбандт, тихий, тщедушный и хромой. Статс-секретарем Департамента государственной экономики был приятель Кокцовца, бывший его сослуживец по тюремному ведомству, перемещенный оттуда в Государственную канцелярию стараниями Кокцовца, когда последний был товарищем государственного секретаря, Сергей Васильевич Рухлов, происхождением из крестьянской семьи и сохранивший и тип, и облик крепко скроенного крестьянина-пахаря⁹. Статс-секретарем Департамента законов был чопорный, сухой, худой и черный барон Роман Александрович Дистерло, а Департамента гражданских и духовных дел — *такого же крестьянского облика, как Рухлов*, короткий, пузатый, внешне простой, но лукавый Петр Алексеевич Харитонов. Он вошел в Государственную канцелярию со слиянием с нею бывшего Кодификационного отдела, где служил под начальством возглавлявшего отдел Эдуарда Васильевича Фриша. Эдуард Васильевич покровительствовал Харитонову и в Кодификационном отделе, и в Государственной канцелярии. Перед назначением председателем Департамента законов Фриш председательствовал в Департаменте гражданских и духовных дел, на должность статс-секретаря которого и провел Харитонов. Кроме четырех статс-секретарей четырех департаментов Государственного совета (четвертый — промышленности, наук и торговли со статс-секретарем Тецнером), были еще два статс-секретаря, заведовавшие отделениями Государственной канцелярии: свода законов (бывшим Кодификационным отделом) и общих дел, обслуживавшим общие собрания Государственного совета и ведавшим делами личного состава, а также общего заведования учреждениями совета и канцелярии. Статс-секретарем, заведовавшим Отделением свода законов, был упоминавшийся выше профессор уголовного права Сергиевский, громоздкий, неуклюжий, прозванный студентами за свирепость на экзаменах и крестьянскую внешность «уголовным мужиком». Должность же статс-секретаря, заведовавшего Отделением общих дел, занимал Николай Федорович Дерюжинский. Я его знал еще со времен моего детства по Ярославлю, где он служил, при прокуроре Николае Валериановиче Муравьеве, товарищем прокурора, часто бывая в доме моих родителей. Его любили в Ярославле за приятный нрав и хороший тенор, который он культивировал и впоследствии. В Ярославле выступал на благотворительных концертах и имел успех. Не-

достаток чересчур маленького роста скрашивался в нем *пропорциональностью фигуры и* приятностью черт выразительного и умного лица. Муравьев его ценил и дружил с ним. Когда Муравьев был назначен государственным секретарем, он не замедлил провести Дерюжинского на должность помощника статс-секретаря Государственного совета. Из помощников статс-секретаря других отделений Государственной канцелярии, помимо нашего, уже очерченного в своем составе, упомяну в качестве наиболее примечательных об Александре Федоровиче Трепове, ставшем впоследствии министром и даже председателем Совета министров; о Николае Павловиче Гарине, занимавшем недолгое время должность директора Департамента полиции, а потом в звании сенатора специализировавшемся на сенаторских ревизиях; о Владимире Иосифовиче Гурко, сыне известного по анналам турецкой войны генерала Гурко, человеке *очень* умном, способном, но во мнении современников *циничски* беспринципном, взятом Плеве, ввиду его способностей, управляющим Земским отделом, затем бывшем некоторое время товарищем министра внутренних дел; наконец, о Дмитрие Николаевиче Любимове, сыне известного профессора Московского университета по кафедре физики, также *очень* способном и также взятом Плеве с собою в Министерство внутренних дел директором канцелярии министра.

Если принять во внимание, что, помимо государственных секретарей Муравьева, Плеве и Коковцова, и другие старшие чины Государственной канцелярии Рухлов, Харитонов, Трепов, далее предшественник Тецнера по должности статс-секретаря Департамента промышленности, наук и торговли, состоявший в описываемое время товарищем государственного контролера Дмитрий Александрович Философов, наконец, вскоре затем вступивший в Государственную канцелярию преемником того же Тецнера по той же должности Николай Николаевич Покровский, — все стали в свое время министрами, князь Голицын (Муравлин) — главноуправляющим равного министрам ранга, а многие другие бывшие служащие канцелярии выдвинулись на посты товарищей министров и на другие высшие должности, — бывшую Государственную канцелярию приходится, как ее в шутку и называли, признать подлинною академиею министров. Нечего говорить, лишь немногие из перечисленных лиц соответствовали полученным высоким назначениям. Но, надо отдать справедливость Государственной канцелярии, по *широким* ее горизонтам, по требовавшейся от служащих эрудиции, трудности школы, беспощадно проваливавшей отстававших и неуспевавших, ни одно другое учреждение не способно было выдвигать персонал, более подходящий, в смысле бюрократической подготовки, к занятию высших государственных должностей.

* * * * *

Близилась к концу весенняя сессия Государственного совета. Мы собирались на доклады в кабинете статс-секретаря, более напоминавшем салон, нежели кабинет, в роскошных апартаментах Мариинского дворца. Мягкая мебель, тяжелые портьеры, ковры, картины, бронза. В стороне одинокий письменный стол. Садилась на мягких креслах вокруг крытого тканною скатертью другого центрального, круглого стола. Непринужденно курили. Дворцовые служители

в ливрейных фраках с позументами и аксельбантами, в чулках и башмаках обносили нас чаем с печеньем. Дружно и весело проходил доклад.

В дни заседания собирались к часу дня. Спешно переодевались в хранившиеся в канцелярии наши фрачные вице-мундиры, сменяли цветные галстуки на форменный черный и с папками дел и бумагами спешили в зал. Прибывали члены Государственного совета, министры или их товарищи, государственный секретарь или его товарищ. Пробирался к председательскому креслу адмирал Чихачев. Заседание открывалось. Крытый бархатом стол был устроен покоем. Спиною к окнам садился председатель, имея напротив себя рядом сидевших государственного секретаря или его товарища и статс-секретаря департамента. Направо от председателя, огибая стол, рассаживались по старшинству члены Государственного совета. Налево садились министры или их товарищи. Внутри покоя ставились два маленьких столика для чинов канцелярии. На переднем располагалось лицо, чье дело в данный момент слушалось, а второй занимали младшие делопроизводители и причисленные, которым поручалось, при обсуждении наиболее сложных дел, вести протокольную запись заседания. Ожидавшие своей очереди чиновники канцелярии, которым были поручены другие дела по повестке, садились за длинный стол, поставленный вдоль задней стены зала заседаний.

Крупных дел не было, департамент спешил покончить с накопившимися мелкими законопроектами. Прений по существу они не вызывали. По делам, требовавшим денежных ассигнований, если не было предварительно достигнутого соглашения испрашивавших кредиты ведомств с Министерством финансов и Государственным контролем, происходила мелкая торговля представителей ведомств, в которую Государственный совет обычно не вмешивался. И соглашение достигалось. В законопроекты вносились по докладу статс-секретаря преимущественно формальные замечания канцелярии, и тем дело оканчивалось. Члены Государственного совета преимущественно сосредоточенно молчали. Граф Игнатьев, как только садился, тотчас принимался зарисовывать кого-нибудь из присутствовавших. Эскизы его были талантливые. По зарисовке каждого, он их пускал циркулировать по рукам своих высокопоставленных сотоварищей. Диверсию еще составляли выступления Владимира Ивановича Ковалевского. Оппозиция Витте нагледа и не пропускала случая ломать его в лице ближайшего и талантливейшего его сотрудника. Способствовала завистливая ненависть к талантам Ковалевского со стороны сделавшегося государственным секретарем Коквцова. Не было пустяшного дела, по которому выступал Ковалевский, чтобы оппозиция за это дело не ухватилась и не начала злопыхать. Особенно неистовствовал терявший перед Ковалевским голос от душившей его злобы лидер оппозиции Кобеко. В свое время он был очень взыскан министром финансов, когда состоял членом его совета и пользовался его подачками, за которые очень низко кланялся министру. Ковалевский корректно, тонко, но со всею беспощадностью свойственных ему остроумия и находчивости отшвыривал своими возражениями злобствовавшего старика.

При всем обилии дел, накопившихся под конец сессии, мы, за их мелочностью, от работы не изнемогали. Графаретные по таким делам журналы пеклись как блины. Встречаясь в канцелярии в перерывах между докладами и заседаниями, часто беседовали. Темою для разговоров, под свежим впечатлением смены

государственного секретаря, служили воспоминания о Плеве. Мы ему сделали обычное коллективное подношение в виде, насколько я помню, *очень* изящного и *дорогого* письменного прибора. Получили каждый в благодарность за память и подарок фотографическую карточку Плевe с его надписью. Карточка была удачная. И воспроизводила внушительные твердость и строгость нового министра. Как он их проявлял в судебном ведомстве, в Департаменте полиции, которого был директором, и потом в должности товарища министра внутренних дел, об этом личных воспоминаний в нашей среде не было. Приводились случаи проявления Вячеславом Константиновичем твердости и строгости в должности государственного секретаря. В канцелярии, при установившейся, в силу особых условий ее работы, системе отбора персонала, произошло отнюдь не являвшееся редким назначение на освободившуюся вакансию через голову лица, считавшего себя кандидатом на эту вакансию. Обиженный служащий объявил, что такому порядку надо положить конец, и он пойдет объясниться с Плевe. И он пошел. И объяснился. Плевe вскоре позвонил и предложил вошедшему курьеру оказать помощь объяснившемуся служащему. Ему от краткой, но внушительной отповеди Плевe сделалось дурно, и он впал в обморочное состояние. Таков был эффект холодного, отчетливо скандировавшегося слова и острого, насквозь пронизывающего взора жестких глаз. Внушительным, очевидно, оказалось и содержание отповеди. Объясняться с Плевe по аналогичным случаям больше уже никто не решался. Он был взыскателен и по отношению к любимцам. Одним из них было некоторое время служивший в младших должностях канцелярии, впоследствии видный «кадет», Владимир Дмитриевич Набоков, сын бывшего министра юстиции Набокова. Считая себя по какому-то поводу обязанным отцу, под начальством которого в свое время служил, Плевe был исключительно благожелателен по отношению к сыну. Не только быстро назначил его на штатную должность в канцелярию, но и провел в камер-юнкеры. Набоков, хотя способный, но самовлюбленный и не в меру себя переоценивавший, тяготился медленностью карьеры и, поработав и показав, что может работать, стал от работы отлынивать, отдавшись другим перспективам, отчасти в области научного дилетантизма, отчасти общественной деятельности. В конце концов, он вовсе бросил работать в канцелярии, продолжая, однако, оставаться в штате и получать жалование. Плевe его призвал. Отчитал в следующих примерно выражениях: «Владимир Дмитриевич, — сказал он, — вы, бесспорно, являетесь ценностью, но по отношению к канцелярии ценностью, к сожалению, лишь декоративного свойства. Мне думается, что как ни высоко учреждение, в котором вы фактически не служите, а которое только украшаете своим редким присутствием, вы все-таки и для него представляете роскошью непозволительную. *Прошу вас сделать соответствующий вывод из этих слов*». Набоков подал прошение об увольнении. Примеров твердости и строгости Плевe не перечесать. Его поголовно боялись все чины Государственной канцелярии, не исключая статс-секретарей. Последние дрожали перед ним, пожалуй, более других, поскольку чаще с ним соприкасались, и было у них больше поводов навлечь на себя неудовольствие грозного начальника. Считались с Плевe и члены Государственного совета, завися от него по части испрошения очередной награды, денежных пособий (аренд), отпусков, перемещений из департаментов в общее собрание и т. п. И с ними Плевe бывал крут. Хотя мои родители давно с ним были знакомы и отношения ими поддер-

живались, я лично знал его мало. Был момент — я был тогда студентом университета — когда Плеве вздумалось сблизить меня со своим сыном, моложе меня на год и только собиравшимся поступить в университет. Я стал бывать у Плеве. Он был тогда товарищем министра внутренних дел и жил на казенной квартире на Большой Морской, в последнем доме, там, где Морская обрывается выходом на Мойку, *напротив реформатской церкви*. Семья состояла, помимо Плеве, из его жены Зинаиды Николаевны, сына Николая, дочери Елизаветы и престарелого тестя Вячеслава Константиновича. Мне было не по себе у Плеве. Хотя и отменно любезный, хозяин меня подавлял всем тем, что делало его внушительным и строгим и мало ослаблялось подчас шутивым его тоном. Зинаида Николаевна была бесцветная, безличная и скучная женщина, с давних пор подавленная бесчисленными изменами мужа. Менее всего она была способна внести оживление в их дом. Николай Вячеславович был крайне в себе замкнутый человек и, хотя неглупый, но, как и мать, бесцветный и физически, и морально, с которым, как я ни старался, установить что-либо общее было совершенно невозможно. Он хорошо учился. Был даже относительно способный человек, что помогло ему впоследствии сделать именем отца большую карьеру. Но он всю жизнь составлял отчаяние Вячеслава Константиновича своею именно какою-то отчужденностью от всего человеческого и живого. И с родным отцом у Николая Вячеславовича не было ничего общего. Слишком разительны были контрасты. И это сказывалось на их отношениях. Тесть Плеве бессловесною тенью скользил по комнатам и исчезал, создавая смутное впечатление расплывчатого серого пятна. Всех теплее в этой семье (этим, однако, немного сказано) была дочь Плеве, его любимица, Елизавета Вячеславовна. В ней сказывались некоторые, значительно, впрочем, смягченные, черты Вячеслава Константиновича. И в смягченном виде они создавали их обладательнице относительную привлекательность. Ради дочери Плеве устраивал у себя время от времени вечера. Вскоре Елизавета Вячеславовна вышла замуж за сенатского чиновника Вуича. Тогда дом Плеве окончательно заведен. Я стал обмениваться с Николаем Плеве редкими визитами. Потом и они оборвались.

* * * * *

Кончилась сессия. И мы разъехались. Я отправился, по обычаю, в имение моей тетки О. И. Батуриной в Ковенской губернии, где и провел показавшиеся мне с непривычки чересчур затянувшимися четыре месяца ваканта. Работу по изданию «Сборника консульских донесений» вел, сидя в имении. Статьи и корректуру отправлял в типографию по почте.

На 1-е октября сессия Государственного совета возобновилась. Проводили всякие дела — и малые, и большие. Но интересных дел вплоть до конца года не было.